

Книги **МАРКА ЛЕВИ**,
вышедшие в компании
«**Издательство АЗБУКА**»

Ноа
Где ты?
Она и он
Первая ночь
Следующий раз
Сильнее страха
Каждый хочет любить
Опрокинутый горизонт
Встретиться вновь
Между небом и землей
Влюбленный призрак
Уйти, чтобы вернуться
Выключи свет – и увидишь звезды
Не такая, как все

Марк Леви

Лавка
запретных
книг

роман

УДК 821.133.1-3ЛевИ
ББК 84(4Фра)-44
Л36

Marc Levy
LA LIBRAIRIE DES LIVRES INTERDITS

Перевод с французского
Аркадия Кабалкина

ЛевИ М.

Л36 Лавка запретных книг / Марк ЛевИ; [пер. с фр. А. Ю. Кабалкина]. – М. : КоЛибри, АЗБУКА, 2025. – 336 с.

ISBN 978-5-389-29346-5

Митч, заядлый книготорговец, однажды утром арестован за немислимое преступление: он нарушил закон, продавая запрещенные книги.

После пяти лет заключения у него есть только одно желание – вновь обрести свободу и свой книжный магазин. Но судьба решает иначе. В тот же день Митч сталкивается с прокурором, который вынес ему обвинительный приговор, и встречает Анну, молодого шеф-повара, которая вполне может стать женщиной его жизни.

УДК 821.133.1-3ЛевИ
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-29346-5

www.marclevy.info

© Illustrations de

© Marc Levy / Versalio, 2025

© Nastassia Brame, фотография автора на суперобложке, 2023

© Кабалкин А. Ю., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри®

Если я не говорю ни о власти,
ни о политике, ни о морали,
ни о чиновниках, ни об опере,
ни о других зрелищах, то я могу
все свободно издавать,
хотя и под надзором двух-трех цензоров.

Бомарше. Женидьба Фигафо

1

Митч

Он стоял у деревянного стола, немного выгнув спину, чтобы, наполняя бокал, ничего не пролить. Радио наигрывало нездешнюю музыку, смесь рэпа и босса-нова, такую же приبلудную, как помойный кот, поселившийся во дворике за магазином. Митч обнаружил его месяц назад — сразу, как вышел из тюрьмы. Не иначе, кот поселился там, пока он отбывал срок. За пять лет его отсутствия внутри магазина завелась пыль, покрывшая все толстым слоем, а снаружи — этот четвероногий бандит. Поскольку из магазина ничего не украли, Митч, не чуждый фантазии, сделал вывод, что кот хорошо охранял помещение и отваживал бродяг. Было за что к нему привязаться и кормить по вечерам, прежде чем закрыть магазин. Кот сначала проявлял недоверие, но потом стал подпускать его к себе, хотя, как хозяин ни старался, упорно отказывался на-

ведаться в его магазин, даже в самые дождливые вечера.

Настоящее имя Митча, выбранное родителями задолго до рождения сына, было Мишель, но его мать, переплетчица, обожавшая старые кинофильмы жанра «нуар», всегда звала его Митчем. Отец, печатник, эрудит и работяга, вкалывал в типографии с 15 лет, пока не погиб от несчастного случая в 51. У ротационной машины, которую он смазывал, подломился стопор, и она затянула его в себя и смяла, хищно чавкнув цилиндрами. Жестокий конец для человека, позволявшего себе в жизни единственную роскошь — книги.

Отец и сын неплохо ладили, часто подолгу мастерили что-нибудь вдвоем, дождливыми воскресеньями играли в шахматы или пинали мяч, если погода позволяла, но врожденная сдержанность не позволяла им лучше узнать друг друга. Жизни обоих прятались за спинами литературных героев, ценности черпались из их разговоров о страстях, блужданиях, надеждах, пьянстве и одиночестве.

Только после смерти отца Митч понял, какое огромное наследство тот ему оставил: он обнаруживал отца на страницах той или иной книги, чаще всего, правда, во второстепенных ролях. Многие фразы и выражения, вышедшие из-под пера Хемингуэя, Йейтса, Баулза, его папаша присваивал себе, отдавая предпочтение словам попроще. Когда Митч-подросток спросил его од-

нажды, существует ли Бог, ответ прозвучал так: «Скепсис появляется, когда, сидя в церкви между копом и монашкой, ты обнаруживаешь пропажу бумажника»¹; когда он бунтовал против своих учителей, отец говорил ему в утешение: «Погляди на меня, я же живу, терплю. — Пауза. — Ситуация под контролем»². Когда жена тревожилась, как дотянуть до конца месяца, он неизменно предлагал ей в роли целебного снадобья такие слова: «Не переживай ты так, все утрясется»³.

В типографии, как и у них в квартале, к манере выражаться его отца относились с усмешкой, с удивлением, а то и с подозрением. Митч понимал отца, наверное, лучше, чем кто-либо еще, хотя даже ему никогда не удавалось выяснить, занимствовал ли его старик — а работа изнашивала того быстрее, чем прожитые годы, так что он и вправду состарился гораздо раньше срока, — также и свое настроение из любимых книг.

Через три недели после фатального несчастного случая мать продала семейный домишко и переселилась на берег моря. Митча нотариус познакомил с иным наследством, поскромнее, в виде сбережений на завещанном ему счете. Не золотое дно, но все же кое-какие средства, чтобы он смог прикупить себе квартирку, а отцу заказать надгробие попрличнее того прямоугольника лужайки, где его зарыли. Остальные

¹ Цитата из Колина Баулза. — *Здесь и далее прим. перев.*

² *Ричард Йейтс*. Пасхальный парад.

³ *Чарльз Диккенс*. Оливер Твист.

средства, до последнего гроша, ушли у Митча на храм, по-настоящему увековечивший его отца: симпатичный книжный магазинчик в двух шагах от вокзала. Это место он выбрал неслучайно: пригородные поезда съели немалую часть отцовской жизни. Два часа по утрам и столько же по вечерам отец Митча полностью посвящал чтению, так что даже пропускал, бывало, свою остановку. Тысячи рассветов и закатов были проглочены им через вагонное стекло, на сиденье, сильно отстававшем по удобству от его кресла в гостиной, что не мешало ему с удовольствием твердить: «Со мной книги путешествуют». Автора этой цитаты Митч отчаялся опознать.

Тем весенним вечером, когда синее небо уже обгладывало облака, Митч выпил одним глотком джин и с непривычки закашлялся. У него не было ни малейшего пристрастия к спиртному, он прибег к нему только для того, чтобы очистить горло от грязи, которой наглотался за время большой уборки. После выхода из тюрьмы он только и делал, что драил столы, шлифовал и натирал прилавков, скреб паркет, боролся с пылью на книжных полках и на каждой книге по отдельности при помощи сухой тряпки, возвращавшей свежий вид корешкам и обложкам. На следующий, воскресный день у него намечался финальный натиск — придание прозрачности витрине, после чего он готовился позволить себе полдня отдыха. Дальше брезжил, наконец, день официального открытия.

ЛАВКА ЗАПРЕТНЫХ КНИГ

Как собственник этого книжного магазинчика и квартиры в пригороде, Митч рассчитывал начать сводить концы с концами. Конечно, если постарается и если вернутся покупатели. На счастье, его тюремный срок не сопровождался ни штрафом, ни конфискацией имущества: судья рассудил, должно быть, что довольно будет конфисковать у него пять лет жизни. Издатели, в кое-то веки хоть в чем-то достигшие согласия, не стали опустошать его склад и обнулять счет. Книги на складе устарели, но классика никогда не выходит из моды, отдел для детей всегда сохраняет свежесть, писчебумажные товары тоже.

Вооруженный терпением и оптимизмом, Митч был полон решимости зажить, как прежде.

Он насыпал в миску сухого корма, погасил свет, включил сигнализацию и вышел во дворик накормить верного ночного сторожа, с урчанием подбежавшего к нему и в этот раз. Сейчас, как и каждый вечер после выхода на свободу, он покосился на люк, ведущий в подвал. Пока что он не набрался храбрости туда спуститься. Как-нибудь в другой раз. Время для этого болезненного решения еще не пришло.

У него оставалось всего десять минут, чтобы не опоздать на поезд — последний, если он хотел провести ночь в своей постели. Вокзал был в двух шагах, даже со своей хромой ногой он рассчитывал успеть.

Он попрощался с котом и заковылял по узкой улочке.

2

НВ 1467

Пять с половиной лет назад

В закутке магазина, используемом под склад, кто-то побывал, он был уверен в этом. Но с какой целью? Там не было ничего ценного, по крайней мере, в понимании большинства людей. Никакой пропажи Митч тоже не обнаружил. Но он так хорошо знал свое логово, что хватило даже крохотного непорядка, чтобы его насторожить. Одна книга криво лежала поверх других, как будто кто-то взял ее в руки и сразу положил обратно, но уже немного по-другому. Это было вдвойне странно, ведь он был уверен, что оставил наверху стопки «Рассказ служанки», а теперь на этом месте оказалось «Красное и черное». Замок двери, выходящей во двор, остался цел, коврик, накрывавший люк, не был сдвинут с места. Он купил его на барахолке в дождливый вторник, через две недели после утверждения закона 1467, навсегда изменившего его жизнь.

Митч прогнал это воспоминание и сосредоточился на насущной проблеме. Попасть в закрытый магазин было невозможно, сработала бы сирена сигнализации. Как же незнакомец оказался здесь и, главное, какой была цель ночного визита?

Он взволнованно обследовал каждый метр. Если его не обманывало предчувствие, необходимо было поскорее найти надежное место и переправить туда свое сокровище. О том, чтобы самому перевезти полтора центнера товара, не могло быть речи, как и о том, чтобы обратиться к кому-то за помощью без того, чтобы пришлось отвечать на вопросы.

Вероятно, сложность задачи навела его на мысль, что виновником беспорядка мог оказаться грызун. «Красное и черное» могла столкнуть с места крыса. Сколько весит книжка карманного формата? Не больше двухсот граммов.

Эта гипотеза его приободрила. Он положил книгу на место, походил для очистки совести еще и вернулся за прилавок.

А зря. Надо было послушаться своего инстинкта. Склонность идти по линии наименьшего сопротивления однажды превратит его в преступника.

Как всегда по утрам, Митч сошел с поезда на Центральном вокзале в 7:45. Он был в плаще, голубых брюках, белой рубашке, на голове бейсболка. Как всегда по утрам, по пути он остановился в вокзальном кафетерии, чтобы выпить стоя

кофе, прочел заголовок в брошенной клиентом газете и вздохнул. После выборов прихвостни губернатора успешно приструнили прессу, и с тех пор ни один печатный орган уже не позволял себе критиковать решения властей. Митч отставил на блюдечке несколько монет, попрощался с хозяином кафетерия и пошел своей дорогой.

Он свернул в свой проулок ровно в 8, погода стояла ясная, начинался славный октябрьский денек, как раз такой, как он любил. Митч ценил постоянство, нуждался в нем. Когда один управляешься в книжном магазине, нужна железная дисциплина и методичность. Открываешь посылки, заполняешь читательские карточки (клиенты очень одобряли это его правило), решаешь, где что положить, ведешь бухгалтерию — на нее он отводил часы простоя по понедельникам; сметаешь пыль с полок — занятие по вторникам и средам, перед открытием; и, конечно, с улыбкой встречаешь посетителей. Самым ожидаемым днем недели был четверг, день получения заказов: в коробках могло оказаться настоящее сокровище, которое он добавит к своей коллекции.

Вечерами он искал его на страницах романов, вкладывая в этот поиск всю свою душу исследователя. Охота за Святым Граалем начиналась, лишь только он садился в поезд. Добравшись до дома, он готовил себе ужин и уже в кухне, усевшись, возобновлял чтение, которое продолжал потом в гостиной и в постели. Даже по субботам он ужинал в ресторане в компании книги. Митч

вовсе не был одиноким сычом, просто в друзьях у его ходили вымышленные персонажи, которых он искренне любил.

Как ни странно, закон НВ 1467 не накладывал запрета ни на издание, ни даже на чтение запрещенных книг. Он просто лишал книжные магазины права их продавать, а библиотеки — предлагать их читателям.

Когда Митч впервые услышал о законопроекте 1467, он сначала принял его за фарс, за уловку предвыборной кампании. Одному человеку было бы не под силу родить до такой степени мутный текст! Для такого макиавеллевского выверта потребовалось бы сразу несколько хитроумных голов. Парадоксально, но губернатор приписывал его себе одному, утверждая, что действует по воле Всевышнего и стремится восстановить в попранных правах мораль. С виду закон преследовал лишь цель запретить книги, вредящие общественному сплочению, но чем внимательнее Митч изучал его статьи, тем лучше понимал, что его авторы задумали превратить его со временем в краеугольный камень глубоких, необратимых перемен.

Несколькими месяцами раньше губернатор проигрывал в опросах общественного мнения. Его избрание стало результатом кампании устрашения: страх, который она сеяла, вытекал из теории с помпезным названием «большое замещение». Идея была довольно проста: страну заполонили орды чужаков, идет молчаливая пол-

зучая война. Статистика при этом утверждала обратное: иностранцы составляли не более десяти процентов населения страны, и это соотношение не менялось уже двадцать лет. Те из них, кто работал в промышленности, торговле, государственном секторе — больницах, школах и так далее, жили в разных частях столицы и ее пригородов. Митч жил в скромном доме, заселенном людьми иного свойства — приезжавшими и уезжавшими в зависимости от сезонов сева, сбора фруктов, овощей, винограда. С тех пор, как сотрудники иммиграционной службы стали проявлять удвоенное рвение и нулевую толерантность, квартиры в его доме опустели. Обезлюдение давало себя знать и в деревне, где некому стало убирать урожай. В садах гнили фрукты, полки в супермаркетах и в магазинах помельче выглядели теперь уныло.

Через несколько недель после утверждения закона губернатором все книжные магазины и библиотеки страны получили список из тысячи четырехсот названий, которые впредь запрещалось продавать и предоставлять для просмотра. «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, «Отец Горио» Бальзака, «Содом и Гоморра» Марселя Пруста, «Комната Джованни» Джеймса Болдуина, «Цвет пурпурный» Элис Уокер надлежало теперь убрать с книжных полок. Вскоре появился и дополнительный список. В нем фигурировала литература, грозившая обществу расколом, стыдившая его, объявлявшая виновным в прошлом,

к которому эта литература не имела отношения. Книги, повествующие о рабстве, расизме, мужском господстве, злоупотреблении властью, диктатурах и их преступлениях, теперь должны были исчезнуть с глаз долой.

У Митча пропало всякое желание улыбаться.

В тот осенний день, так хорошо начавшийся, в его книжный магазин заявился проверяющий от госбезопасности, и все разладилось. Под доносящийся снаружи городской шум, гудки, крики на бульварах проверяющий в антрацитовом костюме инспектировал тумбы и полки с книгами, то и дело поправляя толстые круглые очки, плохо державшиеся у него на переносице. С поникшими плечами, зато с выражением важности и удовлетворения на физиономии он взял за уголок «Дневник Анны Франк» и со снисходительным видом вынес Митчу первое предупреждение. Он пообещал на днях вернуться и проконтролировать, не остались ли у него запретные книги. Если остались, то придется распорядиться об административном закрытии на неделю — такое наказание полагалось в случае второго по счету нарушения. Книготорговец страшно разгневался, проверяющий сбежал от него, как от чумы, и Митч сердито опустил металлическую штору. День сложился совсем не так, как ему хотелось. Теперь ему требовалось время, чтобы прийти в себя.

Он так и не поднял штору и весь остаток дня сидя паялился на книжные полки. Когда стемнело, он не поехал на поезде домой.

Вместо этого Митч принял решение, полностью изменившее его жизнь: сопротивляться абсурду. Вооружившись киркой, лопатой и ведром, он открыл люк и спустился в подвал.

Антиквар, продавший ему магазин, обмолвился о каком-то потайном помещении в подвале, спрятанном за кирпичной стеной. Легенда гласила, что в начале прошлого века некий торговец прятал там драгоценности и произведения живописи неясного происхождения.

— Иными словами, краденое, — договорил Митч за продавца.

— Иными словами, — согласился тот. — Но это, конечно же, всего лишь легенда, а если нет, то мало ли, что происходило в начале прошлого века... Лично я никогда не принимал это за чистую монету. — И он в знак искренности прижал руку к груди.

— Зачем ему было замуровывать то помещение? — удивился Митч.

— Наверное, ему донесли, что какой-то его недовольный клиент проболтался и что туда вот вот нагрянет полиция. За ночь он перепрятал все самое ценное и, чтобы скрыть следы своих делишек, собственным руками сложил стену.

— Если он все оттуда забрал, то зачем было так утруждаться?

— У него не было времени избавиться, не привлекая внимания, от мебели и всего прочего, где он хранил товар: этажерок, сундуков и, как мне шепнули, нетранспортабельного сейфа. Осторожности ради надо было сделать так, чтобы все это исчезло заодно с его прошлым.

Митч, чье воображение никогда не простаивало, догадывался, что история эта не настолько древняя, как утверждал антиквар.

— Кто же все это вам рассказал? — весело осведомился он.

— Тот, у кого я купил давным-давно этот магазин. Теперь я должен был поведать эту историю вам, новому собственнику, — ответил продавец, подписывая купчую.

На том и разошлись. С тех пор в редких случаях, когда Митч спускался в подвал, он, глядя на ту самую стену, задавался вопросом, действительно ли по другую сторону кирпичной кладки существует потайная комната.

До сих пор магазин требовал от него столько усилий, что ему было недосуг проверять, так ли это. Если вся история была выдумкой, то стена, которую он теперь приготовился разрушить, могла оказаться несущей. Уже занеся кирку, Митч задумался о риске. Пришлось прерваться и вернуться в магазин, за лежавшим под прилавком карманным фонарем.

От свисавших с потолка подвала лампочек было мало проку. Митч направил луч фонаря на кирпичную кладку и стал внимательно ее рассматривать. Не надо было быть опытным строителем, чтобы убедиться, что кирпичи клал мастер своего дела, постаравшийся, чтобы никто не догадался, что работа велась в спешке. Раствор был положен аккуратно, гладко.

Митч огляделся и пришел к выводу, что свободное пространство подвала — это всего треть площади магазина у него над головой, что уже

выглядело многообещающе. Он собрался с духом и нанес первый удар киркой, второй, третий — пока что без особого толку, не считая одного треснувшего кирпича. Он не так торопился, как раньше укrywатель краденого, но и ему время было дорого, пришлось поднажать. С непривычки горели руки, плечи и спина, между лопатками стекал пот. Он стянул рубашку, бросил ее на лесенку, ведущую к люку, и с голым торсом продолжил пробовать стену на прочность.

После того как на пол упал большой кусок раствора, Митч стал бить в образовавшуюся трещину. Закачались сразу три кирпича, как готовые вывалиться молочные зубы. Он бросил кирку, вытер лоб и принес сверху молоток и большую отвертку.

Потребовалась всего пара минут, чтобы вынуть из стены несколько кирпичей и просунуть в образовавшуюся дыру фонарь. Заглянув в дыру, он пробормотал: «Черт, что это такое?..»

Луч высветил ряды полок вдоль двух длинных стен, тянувшихся, наверное, до внешней стены магазина. Таким было лишь предположение, потому что яркости фонаря не хватило, чтобы осветить весь тайник. Прищурившись, Митч разглядел три стоявших в ряд сундука, стол, накрытый не то старой скатертью, не то простыней, два кресла одно напротив другого, столик на одной ножке между ними, закругленный угол прилавка, табуреты. Стало яснее, почему скупщик краденого так спешил скрыть от посторонних глаз не только склад своего товара, но и весь этот частный клуб, где собирались, наверное,

Лавка запретных книг

покупатели, для которых не имело значения происхождение товара, и сами воры-продавцы.

Вопрос существования Бога вставал перед Митчем, пока он учился, но ответом на него послужила преждевременная смерть отца. Мир был слишком шатким местом, чтобы излишне доверять Тому, Кто его создал. Накануне, а может, чуть раньше, трудно было точно припомнить из-за охватившего его теперь волнения, он узнал об отставке главы огромного аэрокосмического консорциума из-за истории с несколькими плохо затянутыми гайками, но при этом столетие за столетием войн, голода, катастроф и несправедливостей не мешали верующим чтить Великого Распорядителя. Митч к числу верующих не принадлежал, но при сложившихся обстоятельствах то, что он нашел под своим магазином, трудно было не счесть если не чудом, то по меньшей мере даром провидения. Взбодрившись, он опять схватил кирку и трудился до тех пор, пока не смог сам пролезть в темный тайник.

Марк Леви

Лавка запрещенных книг

Редактор А. Мотина

Выпускающий редактор Т. Маслова

Художественный редактор Н. Данильченко

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры И. Малыгина, Л. Асанова

Компьютерная верстка В. Демин

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.06.2025.
Формат 84×100^{1/32}. Гарнитура «NewBaskerville». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,28.

Тираж 7000 экз. О-LEV-38457-01-R Заказ №

Иготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
АЗБУКА Баспасы ЖШҚ –
«КоЛибри» тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. пошталары: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
АЗБУКА Баспасы ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. пошталары: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басым шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом
регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей
вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г. не распространяется.
«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.

